

Прозрение

Лисса Мун

литературный конкурс

Проект особого
значения

16+

ЗАСЛОН

ЛитРес

Лисса Мун

Прозрение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67691418

SelfPub; 2022

Аннотация

Эпидемии и вирусы не пугают Ирену Игоревну – ведущего биохимика "Проекта особого значения".

Ведь у неё есть решение!

Но когда живёшь лишь своим делом, не замечая, что творится вокруг, однажды, мир может сильно удивить.

Предательство. Отчаяние. Вера в себя.

Что поможет прозреть по-настоящему?

Лисса Мун

Прозрение

Одна из вытянутых ламп в виде трубки над столом с чашками Петри принялась нервно подмигивать.

– Это не ты устала, это я третьи сутки ночью в лаборатории, – вслух укорила нерадивый светильник.

Лаборанты и техники давно отправились домой. Рабочий день закончился четыре часа назад. А я не могла оставить образцы. Слишком важно. Только не сейчас. Впрочем, вызвать стороннего электрика правила тоже запрещали. В закрытом комплексе действовали специальные пропуска. А в эту комнату могли зайти только я и Сухов – сканер сетчатки не делал исключений. Остальные присутствовали только под моим присмотром.

– От скуки на все руки, – проворчала я, сняла перчатки и халат и отправилась в кладовую. – Зря что ли в студенчестве изучали электрооборудование и сдавали экзамены? Я с проводами на «ты».

Темная лестница встретила оглушающей тишиной. Тусклые круглые плафоны иногда загорались красным. Это днем мощные потолочные прожекторы заливали коридоры холодным белым светом. Ночью же оставался простор фантазии.

Моя очень скромная – компенсировалась логикой и здра-

вым смыслом. Факт первый – лабораторный комплекс закрытый, секретный и недоступный. Факт второй – в темное время суток я оставалась абсолютно одна. Впрочем, отсутствие окон играло с сознанием злые шутки. И лишь разница в цвете ламп подсказывала, что творилось во внешнем мире.

Это лет десять назад мы с однокурсниками лазили по заброшкам ради развлечения. Пощекотать нервишки и побегать от охраны казалось очень веселым занятием. Девчонок обычно не брали, те придумывали кучу неадекватных страховок. Я же с энтузиазмом забиралась в самые узкие щели. Пока не подписала контракт с лабораторией. Лучших биотехнологов отбирали еще в ВУЗе, так что все мы по окончании университета самоотверженно трудились на закрытых объектах. И жизнь перемещалась в застенки. Впрочем, и студенческие годы протекали большей частью под тягой и развлекались редкими своеобразными развлечениями. Теперь же я горела лишь своим делом. И за годы превратилась в ведущего специалиста и руководителя «Проекта особого значения».

Подземный научно-исследовательский комплекс шуршал в полудреме холодильными установками. Любые посторонние звуки я приписывала технике. И удобно устроив новую лампу под мышкой преодолела очередной лестничный пролет.

Тем отчетливее размеренную тишину прорезал ноющий скрип!

Страх мелкими песчинками рассыпался по коже. Белые резиновые тапочки приклеились к глянцевому полу. Воздух застрял в легких. Кашель до боли обжег грудь.

Громкое эхо разлетелось по пустынным коридорам!

Кто-бы там ни ходил, он точно услышал!

Но рациональный подход к любой ситуации успокоил рвущееся наружу сердце, напомнив, что в здании никого кроме меня нет.

– Иногда все же следует отдыхать, – я плавно втянула воздух, собственный голос в звенящей тишине показался уютным оплотом спокойствия.

Тяжесть в ногах отступала медленно. Свободная рука вцепилась в ледяные перила. И я крадучись пыталась уловить посторонние нотки в матовом безмолвии. В ушах все еще бухало, и кроме тока крови ничего разобрать не удавалось.

На нужном этаже я окончательно пришла в себя. Но когда поднесла лицо к сканеру, внутренности снова подскочили к горлу!

Тоненькая щель между притворенной дверью и магнитным замком. Колкие мурашки по позвоночнику.

Я закрывала!

Онемевшие пальцы впились в металлическую массивную ручку и опасно потянули на себя. Я тенью проскользнула внутрь и аккуратно прислонила лампу к косяку. Небольшая прихожая позволяла переодеться и вымыть руки прежде, чем ворваться в лабораторию. Но я пренебрегла правилами

и без халата прильнула к следующей двери.

Крик на весь этаж пришлось подавить в зачатке! Зажала рот руками и резко привалилась к стене, ударившись затылком. Зажмурила глаза, в уголках выступили непрошенные слезы. Инструкция требовала определенных действий при проникновении – биться насмерть, но защищать технологию.

Отдышаться не получалось. Но я усилием воли отодрала себя от прохладного бетона и с максимальной невозмутимостью оценила противника. Над рабочим столом склонился мужчина. Высокий и широкоплечий – не лаборант. Он подсвечивал записи телефоном и щелкал камерой. Голова ломаными линиями контрастировала на фоне вспышки, остальной силуэт расплывался по темному помещению невнятным пятном.

Я перебирала в уме возможные подручные средства самообороны. Углекислотный огнетушитель прятался в специальном шкафу в самой лаборатории. Металлические инструменты там же. И мне ничего не оставалось, как вооружиться припасенной лампой!

Ногой подцепила дверь, замахнулась что было мочи в надежде огреть незваного гостя по хребтине. Но эффекта неожиданности не получилось. Визитер швырнул гаджет на стол и ловко перехватил импровизированную дубинку.

– Издеваешься? – Сухов разъяренно сверкнул глазами. – Какого лешего ты вытворяешь? Неужели тяга сломалась, и ты нанюхалась испарений?

– Лампа, – промямлила я сбивчиво, он застал меня врасплох. – Сломалась лампа.

– Включи уже свет, – как всегда недовольный повелительный тон.

– И что ты тут делал?

– Я соскучился.

– Ты фотографировал мои записи.

– Правда? – он приподнял брови в притворном удивлении, что я заметила даже в темноте. – А если так?

Сухов по-кошачьи приблизился и потерся носом о мою щеку. Крепкая горячая рука скользнула на поясницу и собралась спуститься ниже. Губы обожгли нежную кожу на шее.

– Прекрати, Ник, – я попыталась отступить на шаг, но он удержал. – Я серьезно!

– Я тоже очень серьезен, – мурлыкнул он, притискивая к мощному телу. – Ирена Игоревна, называйте меня просто – Никита Сергеевич.

Фривольно лизнув мочку моего уха, он принялся стаскивать с меня же мохеровый свитер. И если обычно ему быстро удавалось отвлечь меня от работы, то на этот раз на подкорке мигал сигнал тревоги, требующий действовать строго по инструкции.

– Итак, Никита Сергеевич, кому ты собирался передать те фото? – холодный тон получился более жалким, чем я рассчитывала, но Сухов отстранился.

– Заказчик требует ускориться, Ирена Игоревна, – опасно

прошипел он.

– И на кой ему формулы? – я искренне недоумевала, но догадка прострелила молнией. – Конкуренты? Мои наработки передадут в другую лабораторию?

Ноги неприятно подкосились. Я схватила небрежно брошенную лампу и кинулась к чашкам Петри. В единственный подсвеченный угол, где сосредоточился смысл моей жизни и карьеры.

– Ты же знаешь, – Сухов тоже оказался в пятне света. – Разработка полностью твоя. И я всегда на твоей стороне. Но вакцина нужна была еще вчера. Я передам заказчику парочку новых образцов.

– Мне иногда кажется, что ты не понимаешь, с чем мы имеем дело.

– Нет, Ира, это ты иногда не понимаешь, куда попала. И с чем, а тем более с кем имеешь дело. Все немножко серьезнее, чем простой научный интерес. Речь идет о выживании человечества. И о развитии общества. И наш заказчик тоже очень серьезный. Мы не можем его расстраивать, – он погладил меня по голове. – Ты и твоя работа нужны этому миру. Ты нужна здесь. А мне нужны пробирки с образцами. Поэтому, перестань выпендриваться и давай их сюда, – он замолчал и протянул огромную лапищу, но я колебалась, как электрон в суперпозиции. – За пределами лаборатории ты никто. Такая же как все – жертва обстоятельств. Дай мне образцы, Ира.

Сухов частенько указывал мне место. А я понимала, что по большей части он прав. Там, снаружи, у меня не было ничего – ни друзей, ни личной жизни. Тут я ведущий специалист. Тут я нужна людям. Тут я со всеми, хоть и одна. Тут у меня есть Ник. Да, порой грубый и беспринципный, но он всегда защищал меня, пока я с ним. И я боялась, что в какой-то момент что-то может измениться. А в последнее время все чаще чувствовала себя котом Шредингера, ведь одновременно являлась и кем-то важным и совсем никем. Главное – не открывать коробку.

– Вакцина недоделана, – предупредила еще раз, протягивая три пробирки с голубыми крышечками. – Ты видишь, чем я занимаюсь? Они просили самоподобие молекул вещества. Чтобы не понадобилась ревакцинация, – указала на плантацию чашек Петри под лампами, колониям круглосуточно требовался ультрафиолет для катализа.

– Начнем с тем, что есть, – Сухов оценил содержимое на просвет, будто мог таким образом что-либо разобрать. – Главное, чтобы маркеры четко распознавали отделы мозга.

– На эту тему уже был отчет. Все работает. Каждый отдел и участок заполняется необходимыми молекулами.

– И этого достаточно для начала следующей ступени проекта. Остальное доделаешь в процессе. Предоставлю образцы заказчику и будем запускать в серию.

– Следующий этап – расширенные клинические испытания, – нудно процитировала инструкцию.

– Именно, – сощурился Сухов. – И желающих будет масса. Ты гений своего дела – вакцина безопасна. А умирать от очередного вируса никому не хочется.

Я слабо улыбнулась. Скорее всего, он и тут прав. А я вцепилась в свое детище, пытаюсь в одночасье довести его до совершенства, но забыла, что там снаружи живые люди ждали спасения. Боялись, надеялись на нашу лабораторию. Все или ничего – этому учили меня родители – «не показывай миру недоношенного ребенка, доведи до ума».

– Когда ты была дома? – он чмокнул меня в макушку на прощание. – Иногда надо мыться и расчесываться.

– Еще пять минут назад тебя это не смущало, – бросила в удаляющуюся спину.

И тут все стало на свои места: Сухов надеялся, что в лаборатории пусто! Хотел тихонько умыкнуть образцы, а я спугнула его ночными бдениями!

– И как ему все время удается провести меня? – пожаловалась ровным рядом специальной посуды.

Ответ я знала. Несмотря на прекрасную работу мозга и научные достижения, мне не хватало простого человеческого общения. Я находила язык с молекулами и атомами, но не умела распознать намерения людей. И если в любой химической реакции все четко соответствовало уравнению, чужая душа – что ночное освещение в наших подвальных коридорах.

***

– Ирена Игоревна, скорее, – в лабораторию ворвался Марат, высокий темноволосый руководитель смежной группы ученых – радиотехников и программистов.

Теперь сканер установили на весь этаж, а работа приобрела иной масштаб. Мне выделили несколько соседних комнат и наняли дополнительный персонал. Лучших студентов из того же ВУЗа, что я когда-то окончила. А команда Марата помогала проводить дальнейшие процедуры.

То, что происходило в коридорах, напоминало наводнение. Столько народу секретный комплекс на своем веку не видывал! Прибывали новые партии людей для исследований. Уже уколотые наблюдались круглосуточно. Начальный вариант выпустили в мир. Но в чашках Петри выросли штаммы, способные к самовоспроизведению. И два дня назад их получили первые испытуемые.

– Что случилось? – бросила на ходу.

– Разрыв цепочки, кажется. Но это по Вашей части.

– Все мы тут теперь кибернетики, я начинаю забывать, как быть обычным химиком.

– Эволюционируем.

Мужчину лет тридцати от остальных отделяла ширма. К вискам крепились датчики, а сверху громоздилась дополнительная шапочка с электродами.

– Вот этот участок, – Марат кивнул на экран.

Сердце пропустило удар. На мониторе светилось то, чего

я ожидала с малейшей вероятностью. В тот же момент у меня проявились все симптомы отравления метилртутью – от онемения в руках до звона в ушах. Сужение поля зрения сопровождалось неуклюжими движениями.

– На фото... на фоне, – а вот нечленораздельная речь сильно мешала. – Что Вы делали накануне? – зажмурилась и выплюнула за долю секунды, пока не начала трястись челюсть.

– Гулял с друзьями, – улыбнулся испытуемый. – Проводили меня в светлое будущее.

– Рогов Станислав Григорьевич, двадцать девять лет, – прочитала карту, чтобы восстановить функции собственного организма. – Под гулянкой Вы подразумеваете употребление спиртных напитков?

– Махнули немного для храбрости, – простодушно признался Рогов.

Я снова закрыла глаза и нервно втянула сухой рафинированный воздух подземной лаборатории.

Неужели их не предупреждали? Неужели не проверяли? Неужели не анкетировали? И кто, если не я, будет отвечать?

Накатившее отчаяние кололо переносицу, требуя бежать как можно дальше, спрятаться в норку и реветь сутки напролет. Но голос внутри требовал собраться и решать! И чтобы никто вокруг не увидел ни единой слезинки!

– Вирусные частицы внедрились в поврежденные ткани, – сообщила Марату и Ольге, руководителю медицинской груп-

пы, когда мы уединились в ее кабинете.

– Вы же понимаете, что подобная неточность недопустима, – Ольга будто пыталась добить, выставив вперед грузные плечи и прочие немалые объемы. – Никто не сможет гарантировать богатырское здоровье испытуемых. Да и основное население. С ними что? Они хотят стать здоровыми благодаря Вам. А не наоборот.

– Ольга Михайловна, давайте не будем искать виноватых, – предложил Марат. – Иначе запутаемся во вводных данных. Вы можете гарантировать, что остальные двадцать пять человек, получившие вчера последние образцы вакцины, не праздновали дни рождения в предыдущие сутки?

– Я? – Ольга захлебнулась от негодования и приложила пухлые пальцы к груди.

– Вы правы, Марат, – вклинилась я в разговор. – Не стоит. Рецепторы липидных оболочек распознали белок. Но вместо равномерной пленки получилось замещение молекул. Моя задача – изменить дизайн или же алгоритм соединения. Ваша задача, Ольга Михайловна – обеспечить отмену алкоголь-содержащих препаратов перед испытаниями. Установите положенный биологический срок. А Вы, Марат, отследите влияние физических нагрузок на цепочки и возможные затруднения приема сигнала. Это маловероятно, но теперь придется учитывать каждую мелочь.

***

Чем больше человечество боролось с вирусами, тем более изощренные разновидности появлялись. И когда год назад новый недуг захватил планету, распространяясь со скоростью ветра, его встретили обычной паникой. Как ученый, я понимала, что смысла биться в истерике нет. Важно подойти к проблеме иначе.

И тогда наша лаборатория выиграла тендер на разработку вакцины. Нами заинтересовались. Ведь то, что я предлагала, решало в будущем множество задач. Во-первых, организм переставал реагировать как раньше на инородные агенты, будь то вирусы или бактерии. Во-вторых, улучшались многие другие функции. И регенерация, и иммунитет, и настроение, и работа каждого органа – управлялись из черепной коробочки. А я поняла, как заставить тело подчиняться заданной программе без травматичного вживления чипов, которые бередили души фантастов и большинства ученых.

Я создала искусственный вирус с липидной оболочкой, содержащий внутри необходимые вещества. Маркеры распознавали нужные участки мозга. А при достаточном скоплении принимали радиосигнал и передавали заложенный импульс прямо в нейроны. Появилась возможность кибернетических экспериментов без хирургического вмешательства. Всего лишь мельчайшие молекулы, которые я предлагала вводить постоянно! Но по желанию заказчика, превращенные в устойчивые самовоспроизводящиеся штаммы.

– Ирена Игоревна, Вы превзошли себя! – похвалил Су-

хов на одном из еженедельных совещаний. – Судя по отчетам, все частицы улавливают сигнал. Но результат не может быть «сто процентов». Подправьте, Марат Альбертович, – он усмехнулся, а у меня по-прежнему потели ладони, ведь пугала не только статистика. – И начинайте военные разработки: антенна, микрочип. Заказчик требует расширить радиус приема сигнала. Нам нужна программа для групп. Техническое задание выслано на Вашу почту, – Сухов помолчал и посмотрел на следующего руководителя. – Ольга Михайловна, в медицинских целях продолжайте использование портативных передатчиков. Необходима четкая инструкция в районные поликлиники по устранению каждого симптома.

– Случаи отторжения все чаще, Никита Сергеевич, – аккуратно заметила Ольга.

– Подправьте статистику, – перебил ее Сухов. – И не отторжение. Скорее, слабый иммунитет не способный к симбиозу.

– Иммунный ответ организма не готового к принятию искусственного вируса, – поправила она.

У меня внутри все сжалось. Неужели ей не страшно спорить с Суховым? Пусть он и не разбирался в научных тонкостях, но знал, чего хочет заказчик. И даже несмотря на молодой возраст, он все же начальник лаборатории. Уж не знаю, как он оказался на такой должности, но субординация – основа рабочих отношений. И пусть наши с ним были чуть иными, но в присутствии других я не позволяла себе воль-

ностей.

– А до того Вы нам рассказывали, что все вирусы друзья человека, – сощурившись припомнил Сухов. – Даже смертельно опасные. И что у нас с ними именно симбиоз. Взаимовыгодный. И естественный отбор, чтобы выживали лучшие особи. И как медик и вирусолог, убеждали нас не бороться, а встречать с распростертыми объятиями. Именно поэтому Вы, Ольга Михайловна, в этой команде. И то, что Ирена Игоревна нахимичила, – он подошел к Ольге сзади и положил руки ей на плечи. – Ваша задача подружить с сильнейшими организмами.

В маленьком кабинете стало душно, будто система вентиляции внезапно сломалась.

– Нашему заказчику важен результат. Модификация идет по заданному сценарию. Цифры в ваших руках. Пугливых не держим.

Эйфория от собственного открытия выветрилась очень быстро. Моя сыворотка на деле оказалась не противоядием, а оружием! Я верила, что человечество одолеет недуг, с которым и была призвана бороться вакцина. Что удастся контролировать воспаление и распад тканей жизненно важных органов, из-за чего долгое время держалась такая высокая смертность. Что дети перестанут задыхаться по ночам в собственных кроватях. А их родители вместо кашля с кровью смогут беззаботно чихать и улыбаться, не боясь заразить всех в радиусе пяти метров. Я верила в лучшее в людях.

Но реальные цифры выбивали из колеи. Я ежедневно пыталась усовершенствовать продукт, но ни один следующий штамм не решал предыдущих проблем. Испытуемые умирали не от болезни и осложнений, а от неприятия моего идеально сконструированного препарата. От аллергической опухоли в месте его скопления.

Зато выжившие радостно рассказывали близким о чудесной вакцине. Не разбираясь до конца в механизме действия, как под копирку, кричали на каждом углу о панацее от любых недугов. О макрофагах, поглощающих все микробы без разбору. О капсулированных нанодозах лекарства, которое теперь при любой опасности обеззараживало кровь. Пожалуй, так людям действительно было проще понять.

Все менялось. Так стремительно, что я не успевала следить за новостями! Не успевала осознать масштаб сотворенной реакции. Ведь только вчера задумка теплилась в маленькой пробирке. Только вчера идея вспыхнула в голове вместе с пламенем зажженной для работы спиртовки. Но сегодня разгорающейся искрой пожирала мир, не встречая сопротивления, превращала в пепел глянцевые страницы привычного. Погружала в безразличие. Или смирение. Опустошала.

Но я должна решить проблему с отторжением! Должна не только всем вокруг...

***

Прекратить! Срочно остановить проект! Ведь не этого я добивалась своей разработкой! Технология призвана спасать человечество, а не порабощать! А именно в послушных контролируемых болванчиков жаждала превратить население корпорация, на которую мы трудились. Дистанционно воздействовать на участки мозга – как удобно! И как же я была наивна и слепа! Глупая девчонка! Увлеченная идеей, но застрявшая в детских мечтах и сказках.

Я шмыгнула носом и проглотила непрошенные слезы. Только действия – никакой сырости!

Массивная оштукатуренная арка неаполитанского желтого цвета на выходе с территории всегда провожала домой легкой грустью. В памяти всплывали знойные летние дни, когда родители были еще живы. Но я прогнала тоску и помчалась домой. А коричневые жухлые листья увивались следом в сильных порывах ледяного ветра. Словно стая голодных воробьев превратилась из милых крикливых пташек в хищных пираний.

Большой шумный мир казался чужим. Будто я рассмотрела его под другим углом. Не только происходящее в лаборатории. Всегда думалось, что я из другого теста, и мне не место среди толпы. И я пряталась в подземном комплексе среди уютных колб и мензурок. Но теперь то, что прежде виделось сквозь электронный микроскоп, отдалилось и представало в ином масштабе, целиком.

Маленькая однушка недалеко от работы встретила мни-

мой тишиной. Но не успела я насладиться бытовыми разговорами соседей за стеной, как в замочную скважину резко протолкнулся ключ.

– Ник, я только вернулась, – сердце застряло в горле, а ведь у него хранился запасной комплект и разрешение им пользоваться.

Прежде я с нетерпением ждала подобных встреч, после которых он всегда оставался на ночь. Теперь же с опаской надеялась на понимание с его стороны.

– Что за срочность? – недовольный тон свидетельствовал о планах на вечер, в которые меня не включили.

– Налью кофе, – поджала губы и поманила его на кухню. – Не на пороге.

Сухов закатил глаза, я ненавидела, когда он так делал. Будто общаться со мной его заставляли под страхом пыток.

– Надо остановить производство, – выдала на одном дыхании, никогда не умела делать красочные подводки.

Я насыпала молотые зерна в турку и не стремилась лицезреть реакцию Сухова.

– И с чего же ты так решила? – прозвучало заискивающе. – Нашла ошибку?

– Да, – голос сорвался на хрип, руки дрожали, и я испугалась собственной трусости, а потому выпрямилась насколько могла. – Это с самого начала одна огромная ошибка.

– Заказчик доволен – это главное, – отрезал Сухов и навис сзади.

– Часть людей умирает. Выжившие станут рабами системы! – крикнула громче, чем собиралась и выкрутилась в его руках, чтобы заглянуть в глаза.

– Вот, значит, как, – он пугающе усмехнулся и крепко вцепился мне в локти. – Маленькая мышка заметила котов.

– Хватит валять дурака, Ник. Ты знал, да?

– Конечно, Ирена Игоревна. И в этом нет никакой трагедии. Все во благо. Разве плохо, что люди перестанут болеть? Чем плохо, что человечество в целом перестанет страдать? – в расширившихся зрачках почудился сумасшедший огонек. – Каждый будет занят делом. Перед цивилизацией откроются новые двери. Все это неизбежно. И благодаря тебе технология проста в использовании. Но к этому пришло бы рано или поздно. Нам пора исследовать новые звезды, расширять горизонты, а не трястись над выживанием! А это достижимо, только при объединении в единую систему.

– Только люди – не муравьи и не пчелы, – теперь я боялась по-настоящему, но каждая мышца звенела от напряжения, и получилось достаточно твердо.

– И при чем тут насекомые? Что за чушь у тебя в голове? Человечество эволюционирует, Ира, хочешь ты этого или нет.

– Какой ценой, Ник?

– Естественный отбор. Всегда так было, есть и будет!

– Он противоестественный! Контролируемый, я бы сказала!

– Знаешь, – он замолчал, и я уже думала, так ничего и не скажет. – Я надеялся, что с тобой не будет проблем. Делай свое дело, получай вознаграждение – все довольны. Но ты, вдруг, заделалась моралисткой. А такие совершают импульсивные поступки. Ставят под удар успех всей кампании. Становятся занозой в одном месте. Таких стоит контролировать тщательнее.

Сильные пальцы впились до самых костей. И я успела заметить, как сошлись на переносице темные брови, как промелькнула злая усмешка, как зашипел опрокинутый на плитку кофе... Кухня содрогнулась.

Влажный удар. Обжигающая боль в затылке. Острый запах гари.

***

Запах. Такой навязчивый. Такой отупляющий. Словно меня заспиртовали в стеклянной колбе и закупорили намертво. Тяжесть в голове. Как кастрюля с компотом вместо черепной коробки. Веки, будто склеенные дегтем и зашитые для верности.

Медленно возвращались обрывки воспоминаний. Но пульс подскочил мгновенно, разгоняя остатки тумана. Я дернулась, отчего потемнело даже в закрытых глазах, но уселась. Ноги уперлись в гладкий холодный пол. Рука поднялась к пластырю выше шеи. Обритые волосы вокруг прямоугольной нашлепки покалывали пальцы.

– Теперь каре на ножке, – голос лаборантки Елизаветы заставил подпрыгнуть от неожиданности и оглохнуть от карданного ритма грохочущего сердца. – Вы проснулись, Ирена Игоревна?

Как только мне удалось разлепить ресницы, комната пустилась в пляс. Задорная полька сменилась не менее энергичным пасодоблем, и я рухнула обратно на кровать.

– Возможны тошнота и слабость, – сквозь красную пелену сообщила Елизавета. – Я позову Никиту Сергеевича.

– Не надо! – хотела закричать, но получился сдавленный сип.

Дверь закрылась слишком громко. Показалось даже, что рядом с подушкой включили строительный перфоратор.

А в следующее мгновение слышались сразу несколько голосов. Они доносились словно сквозь ватную завесу. Вероятно, я отключилась, но снова возвращалась в реальность. Правда с более комфортными ощущениями, чем прежде.

– Нейронные связи и давление пришли к норме, – Ольга – руководитель медицинской группы.

– Прекрасно, – Сухов – редкостный гад. – Сейчас позовем Марата Альбертовича. И нам бы не помешала оценка сцепки молекул от Ирены Игоревны, – засмеялся он собственной шутке.

– Думаю, что смогу с этим разобраться. Всего лишь биохимия.

У меня отпала челюсть. Притворяться спящей больше не

получалось. К тому же, я внезапно поняла, что мою разработку на мне же и опробовали. Без моего на то согласия.

– Сволочь, – пересохший язык ворочался с трудом. – А биохимией я займусь сама.

В этот раз стены предпочли безропотно стоять на своих местах. То ли испугались свирепого взгляда, то ли мне действительно стало лучше.

– Ирена Игоревна, водички? – Елизавета заботливо подсунула стакан, разрядив обстановку.

В дверях появился Марат Альбертович – высокий, стройный, слегка взволнованный.

– Елизавета, принеси-ка мой халат, – я встала на ноги, переодели меня лишь по пояс в чистую белую майку, что несомненно радовало. – Посмотрим, что вы тут натворили.

Внутри все кипело от бешенства. Хотелось разорвать Сухова в клочья и пустить на биомассу. Но я сдерживалась.

Никто не имел права так со мной поступать! Никто и никогда! И теперь я буду действовать иначе! Вот куда завела моя доверчивость и наивность! Моя глупость! Я все это заварила! И я исправлю!

Глубоко вдохнула, чтобы сделать несколько шагов и не пошатнуться. Хоть меня и заперли в отдельной комнате, но все необходимое оборудование имелось.

– Давайте начнем с проверки сигнала, – не предложил, но велел Сухов. – Все же кибернетические возможности препарата – основная задача.

– Сниму пластырь, – Ольга сверкнула глазами и рванула за уголок вместе с остатками волос на затылке. – Края стянулись. Регенерация тканей ускоренная.

– Считаваю четко, – Марат указал на экран с открытой рабочей программой. – Микрочип, вшитый под кожу значительно усиливает проводимость сигнала.

Я хотела завопить и потребовать объяснений, но вовремя осеклась и лишь снова поднесла руку к голове. Небольшой шов не вызывал дискомфорта. Но факт обескуражил. Чипы значились в плане испытаний на будущий год в качестве военной технологии. Простым людям предполагалось ловить радиосигналы без дополнительных антенн. Или я снова чего-то не знала. Не догадывалась. А могла бы! Но после такого количества отторжений, разве разумно продолжать эксперимент?

– Кожные датчики для оценки молекулярных структур не понадобятся, – услышала свой ледяной голос будто со стороны и щелкнула пальцем по экрану, выводя другое окно. – Цепочки выстроились согласно заданным участкам. Мозговые структуры равномерно охвачены промаркированной сетью с расчетными параметрами. Проводимость хорошая. Воздействие вы уже проверяли...

– Дай информацию на зрительный канал, – скомандовал Сухов, а Марат снова переключился на свою программу. – И поочередно врубай остальные.

Картинки сменяли одна другую. Я провалилась в захваты-

вающие красочные образы. Привычное мышление воспринимало их словно обычные воспоминания.

Я стояла под проливным дождем. Тугие струи хлестали по плечам и рукам, шлепались на макушку, проникали под волосы. Но тут же увидела солнечный день. Лучи пригрели левую щеку, а под босыми ступнями зашелестел мелкий ракушечник. Шум прибоя нарастал, будто кто-то подкручивал ручку громкости. На языке появился вкус соли, а нос защекотали далекие нотки йода и рыбных консервов. И тут же пришла мысль, что все правильно.

Ведь так спокойно бывает только в совершенном мире.

Будто мои собственные, ощущения врезались в настоящую реальность. Процессы текли лениво, размеренно, подчиняясь частоте вещания.

Но вот под ногами снова появился глянцевый кафель. Я встретила с обеспокоенным взглядом Марата. В комнате больше никого не оказалось.

– Ира? Как Вы? – он придержал меня за локоть и помог сесть.

– Я не уверена, – еще раз осмотрелась, ожидая подвоха, будто из угла могли выскочить Сухов с Ольгой. – Никита Сергеевич?

– Отлучился. И Ольга вышла. Вы все еще видите что-то иное? Есть наложение картинки?

– Мне страшно, Марат, – я шевелила губами, но голос предательски осип. – Я вижу комнату в лаборатории, но теперь

ни в чем не уверена.

***

Человеческий мозг – прекрасный биомеханизм. Но даже самые точные открытые операции на нем до сих пор не всегда проходили успешно. И как же заманчиво было обнаружить, что можно вводить вещества с молекулярными маркерами, способные распознать нужный участок. Наноструктуры скапливались в соответствующих отделах. Управление ощущениями и органами теперь осуществлялось при помощи радиосигнала. Никакие чипы не требовалось подключать напрямую в нежные ткани серого вещества. Лишь микроскопический усилитель под кожу на затылке.

И целая планета идеальных биороботов поступала в распоряжение... Кого? Ответа на этот вопрос я, ведущий биохимик «Проекта особого значения», не знала. Да и не все ли равно? Главное, что сделано это было моими собственными руками.

Я все еще работала в лаборатории. И мне обещали неприкосновенность, покуда я выполняла приказы сверху. Но как только я перестану делать что-либо по собственной воле, меня не трудно заставить. «Подтолкнуть в нужном направлении» – так это называл Сухов.

– Вода течет свободно, но в заданном русле, – заявил он мне после начала всеобщей вакцинации. – А ее каплям не обязательно задумываться ни о процессе, ни о пути. Он так

или иначе ведет к бескрайнему морю.

– И каково тебе на той стороне? – я дерзко заглянула ему в лицо, на что раньше не решалась. – Чувствуешь себя всемогущим? Но стоит тебе оступиться, растворишься в каплях, о которых так беспечно рассуждаешь.

– А ты изменилась, – Сухов опасно приблизился. – Непредвиденный побочный эффект от вакцины?

– Испробуешь на себе? – терять, мне казалось, больше нечего, и то, что прежде я робко держала внутри, теперь безудержно рвалось наружу.

– Пожалуй, рискну, – мурлыкнул он, а крупные горячие руки тут же ухватили чуть ниже спины.

– Убрал, – я и не подумала дернуться или смутиться.

Ведь наивная девчонка умерла на собственной кухне от удара головой об угол шкафа. А у меня с тех пор появился шрам над первым позвонком. И бритый затылок, придающий то ли наглости, то ли уверенности в себе, то ли дури, которую я всегда тщательно скрывала.

– Я уж было решил, что с тобой станет веселее, – Сухов скривил уголок рта.

– Всади себе вакцину и впаяй чип, вот тогда и повеселимся!

– Дуешься? – он заливисто расхохотался. – Да кому ты нужна? Только своим пробиркам. Теперь на подвиги тебя вдохновляет страх. Дополнительный стимул в виде романтики не требуется, – глаза напротив хищно сощурились. – За-

блуждение, что ты действительно нравилась мне, умиляет. Прости, зайка. По долгу службы...

Рука непроизвольно метнулась к его лицу, но вместо звонкой пощечины, я услышала собственный писк. По тонкому запястью разлилась жгучая боль. Сухов не позволил ответить на унижения и лишь шире растянул улыбку.

– А ну верни! – перед глазами мельтешили цветные мушки, и слова вылетали невпопад, но я не могла молча смириться.

– А то что?

– Отпусти девушку, – в дверях показался Марат.

– Вас не касается, Марат Альбертович, – колко бросил Сухов, но хватку ослабил. – Если каждый будет тщательно следить за своей работой, то все мы будем жить дружно и счастливо, – разжались беспощадные пальцы, и он широким шагом вышел из лаборатории.

И только тогда я поняла, что практически не дышала во время нашей беседы. Теперь же жадно хватала ртом воздух со сладковатым привкусом ионов кислорода.

– Нам придется действовать хитрее, Ирена Игоревна, – тихо заметил Марат.

– Нам?

– Все обернулось не совсем так, как нам представили в начале, – он плотно закрыл дверь и показал данные на планшете. – И, кажется, кроме меня и Вас, никто здесь не понимает последствий.

– Если бы я понимала их раньше...

– Вспомните атомную бомбу. Технология опережала время и наделала много шума. Так и Ваша вакцина, содержащая невероятный вирус вместо привычных антител. Заражает новой технологией вместо того, чтобы лечить недуг. Но вряд ли кто-то мог предвидеть, чем это обернется.

– Вы сравниваете мой вирус с атомной бомбой? – я грустно усмехнулась. – Так оно и есть. Он даже хуже. И я не планировала создавать микроорганизм. Лишь донести вещества куда требуется. И управлять здоровьем. Медицинские карты могли превратиться в трехмерные модели на экранах компьютеров, где стоит лишь нажать на нужную кнопку, чтобы подлатать брешь, – руки все время тянулись к шраму и тербели чуть отросшие волосы. – Но оказалось, что любое благое дело легко вывернуть наизнанку.

– У меня есть решение, – черты лица Марата застыли. – Но я не справлюсь один.

***

Марат руководил технической группой, которая присоединилась к разработкам в начале клинических испытаний. А до этого трудился в научно-техническом центре «ЗА-СЛОН» – колыбели инженерных замыслов. Для «Проекта особого значения» действительно выбирали лучших во всех областях науки.

За последний месяц выдался долгожданный выходной. Но

наш с Маратом план требовалось осуществить как можно скорее.

Освещение перешло в ночной режим. И только холодильные установки и система вентиляции вносили оживление в застывшее пространство.

– Глушилки радиосигнала установлены по всему городу, – Марат открыл интерактивную карту, где желтели флажки. – Ребята активируют их на местах, как только дам отмашку. После этого никто не сможет использовать чипы в радиусе действия.

– Повезло, что эти штуки уже были в производстве твоей компании, – с тех пор, как мы сговорились расстроить планы заказчика, пришлось перейти на «ты».

– Это не везение, – Марат усмехнулся. – Это стратегическая техника.

– У меня все готово, – я потрясла пробиркой с мутноватой жидкостью.

– Жаль, мы не можем изъять копии отчетов и формул.

– Надеюсь, новый микробный агент сработает как надо.

– Генно-инженерная матрешка, – Марат прикрыл ладонью половину лица и притворно вздохнул.

– Скорее, очередной рукотворный монстр, – кисло улыбнулась.

Хоть Марат и пытался разрядить обстановку, но я засомневалась в исходе операции.

Когда он предложил взорвать производство препарата и

задавить сигнал, у меня зародилась иная идея. За взрыв на химическом предприятии можно было серьезно загреметь. А вот отсроченную диверсию обнаружат не сразу. Да и радиоустановки наши помощники должны были спрятать так, чтобы их не нашли.

Я неловко обняла Марата. Вероятно, наши новые отношения и не предполагали подобной близости, но нервное напряжение грозило спалить предохранители. Мне требовалась дружеская поддержка.

– На связи, – шепнул он в ухо.

Марат оставался в здании координировать процесс. И только я знала, куда вылить содержимое пробирки. Я редко выбиралась в дальние районы города, ужасно ориентировалась на местности и не водила машину. До завода – основная точка оказалась в часе езды от лаборатории – доехала на такси. Я бывала тут при запуске производства, тогда Сухов провожал меня лично до двери в цех. Но водитель добросил до КПП.

– Ночная смена? – поинтересовался он напоследок.

– Да, – кивнула из вежливости, никогда не любила это навязчивое общение.

И как только дверца захлопнулась, рев мотора оповестил, что назад пути нет.

Охранник пропустил без лишних вопросов. Но рваный ритм сердца не восстанавливался, требуя спрятаться под уютное одеяло и отсидеться, пока все не закончится, а не

лезть в самое пекло. Ноги не слушались, будто стальные спицы цеплялись за бетонированную площадку перед входом в безликое здание.

Пустые коридоры. Холодное освещение. Дрожь в каждой клеточке тела. Молчание, доводящее до отчаяния. Тишина в мыслях. Колючий ком в горле. Стук каблуков по глянцевому полу, отскакивающий от таких же вылизанных идеально белых стен.

И я бледным привидением плыла меж стерильных поверхностей в своем привычном халате. Будто отдельно от цокающих против всех инструкций туфель. А вот шапочка послушно обхватила волосы, перчатки второй кожей облепили кисти, одноразовая маска спрятала лицо – чудеса мимикрии не скрывали лишь моих замыслов. Казалось, неподобающая обувь предупреждала каждого. Но я не встретила никого!

Зато в главном цехе кипела работа. Мне только и требовалось добавить в первый бак немножко нового препарата. Я сжала в кармане пробирку, направляясь к цели, но за локоть грубо перехватили!

– Ник! – взвизгнула от неожиданности.

– И что ты тут забыла? – в его глазах сверкнула ненависть.

– А ты? – не нашла ничего умнее.

А он злобно расхохотался. Таким я его еще не видела. Даже в тот вечер, когда он без раздумий приложил меня головой о кухонную полку. Животный страх подкосил ноги, я оступилась, но Сухов держал крепко и волок в коморку по-

зади мешалок.

Пальцы соскользнули с пробирки и нащупали телефон. Хорошо, что одна рука так и осталась спрятанной. Его настойчивость и грубость не дали заметить, как я нажала кнопку вызова. С третьего раза. С отупляющей безысходностью. С пьянящей решимостью.

Сухов втолкнул меня в дверь. Я влетела в дальний угол. Справа оказался пульт управления механизацией производства, где мерзавец уселся на удобное кресло.

– Допрыгалась?

– Не успела, – громко сказала для Марата в надежде, что тот снял трубку.

– Все прикидываешься, – прошипел Сухов. – Тогда нет смысла в разговорах, – он достал из кармана смартфон и отдал приказ отправить череду сигналов на мой чип. – Сиди пока тут, думай над своим поведением. Закончу тут дела, заберу. Приятных.

Злорадная ухмылка – вот, что я увидела перед тем, как потемнело в глазах. Тело бросило в жгучий пот, словно его уронили в бак с соляной кислотой.

***

– Ира, Ира, ответь, – слышалось сквозь поволоку. – Ты сможешь. Ты здесь, и ты там, – почудилось, что Марат сжал мои ладони в своих. – Ты принимаешь сигнал, но знаешь, что происходит, а значит, способна отличить свои собственные

мысли и чувства.

– Я совсем запуталась, Марат, – прошелестела одними губами будто он вдруг оказался рядом и видел.

– Сигнал подавляется по всему городу. Но Димку засекли – на окраине в районе завода глушилка не включилась. Я выезжаю к тебе. Но нельзя терять время. Доведи дело до конца, слышишь? Все или ничего!

– Все, – обреченно выдохнула я. – Все кончено.

Тишина. Гудящая, объемная, но тишина. И снова кожа – сплошной оголенный нерв.

– Что ты видишь? – Марат издалека, словно с другой планеты за тысячи световых лет.

– Ничего, – губы не шевелились, только мысли, и те с трудом.

– Я с тобой, – уже громче, обволакивая горящие участки тела. – Вспоминай, где ты. Руки, ноги, телефон. А я рядом. Просто представь, что рядом. И только слушай. Я дурак, что отправил тебя одну. А теперь вставай. Ты слышишь?

– Ты дурак, – рука нащупала телефон в кармане, там же попалась пробирка.

– Отлично. Иди осторожно. Наверняка рядом есть дверь. А еще у тебя есть глаза. И они видят вопреки всему. Твои глаза тоже подают сигнал в мозг, как и всегда. Открой их, Ира. Ты можешь, я точно знаю. Прежде я не встречал таких целеустремленных девушек. Таких сильных и бесстрашных. И отправил тебя в геенну. Ну не кретин?

– Именно, – я разозлилась, но одновременно в душе вспыхнуло нечто уютное и теплое, такое, что хотелось оберегать и возвращать до вселенских масштабов.

– Я еду к тебе. И больше никуда не отпущу. Слышишь? Я рядом. И ты нужна мне. Умчимся на край света, подальше от этих безумных интриг.

– Нашла. Дверь.

– Все верно, открывай. Он не запирает. Вот так. Судя по звуку, ты в цеху. Слышишь мешалки?

– Да.

– Глаза, открывай глаза. Они подадут зрительный сигнал в мозг, какую бы темноту тебе ни транслировали. Я на шоссе. Я рядом. Бак, тебе нужен бак. Где он?

Я силилась разлепить веки. Как в страшном сне. Мрак оставался прежним. Но больше я не боялась. Знала, что меня могут увидеть, но шла напролом. Переставляла ноги, которых не чувствовала, но слышала спасительный цокот каблучков.

– Видишь его?

– Чувствую, – споткнулась о металлическую опору оборудования, ударила локтем о резервуар, вернулась боль.

– Открывай. А я рядом, – голос Марата, как тоненькая соломинка, выловил из мучительной пелены.

– Не могу нащупать. Тут должен быть клапан.

– Смотри, ты можешь! – Марат громко вздохнул в самое ухо. – Смотри на мир, который спасаешь! Смотри на меня,

Ира! Смотри! Мне в глаза. Слышишь, как бьется в груди? Никогда не прощу себе, что отпустил тебя одну. Казалось, ты разбираешься в химическом оборудовании, а я в радиотехнике. Каждый делает, что умеет. И только вместе мы сможем остановить всех сразу. Вместе. Смотри. Я уже близко. Совсем рядом с тобой. Представь, что стою рядом. Смотри. Прямо в глаза. Ведь я...

Ослепляющий яркий свет, оглушающий свист тормозов!
– Я люблю тебя...

Удар! Брызги стекла. Скрежет сминаемого металла. Мерзкий запах горелой резины.

Одновременно поддалась крышка бака. Содержимое пробирки опрокинулось внутрь. Жидкость на мгновение окрасилась малиновым, но тут же посветлела, скрывая диверсию.

– Марат! – дрожащий оклик запоздало отправился в пустоту.

***

Для оформления обложки использованы фото <https://www.pexels.com/ru-ru/photo/4021793> <https://www.pexels.com/ru-ru/photo/2280547>